MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80318-8

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

TSERETELI, G. F.

TITLE:

KOMEDIIA MENANDR "GEROI"

PLACE:

S.L.

DATE:

Master Negative #

91-80318-8

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

88M52
DS

TSereteli, Grigorii Filimonovich, 1870- tr.
Menander, of Athens. (Heros. Russian. Tsereteli)
Комедія Менандра "Герой".
p. [349]-383. 23cm.

Caption title.
Title transliterated: Komediia Menandra Geroi.
From Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія, 1911, августъ.
Volume of pamphlets.

Restrictions on Use:

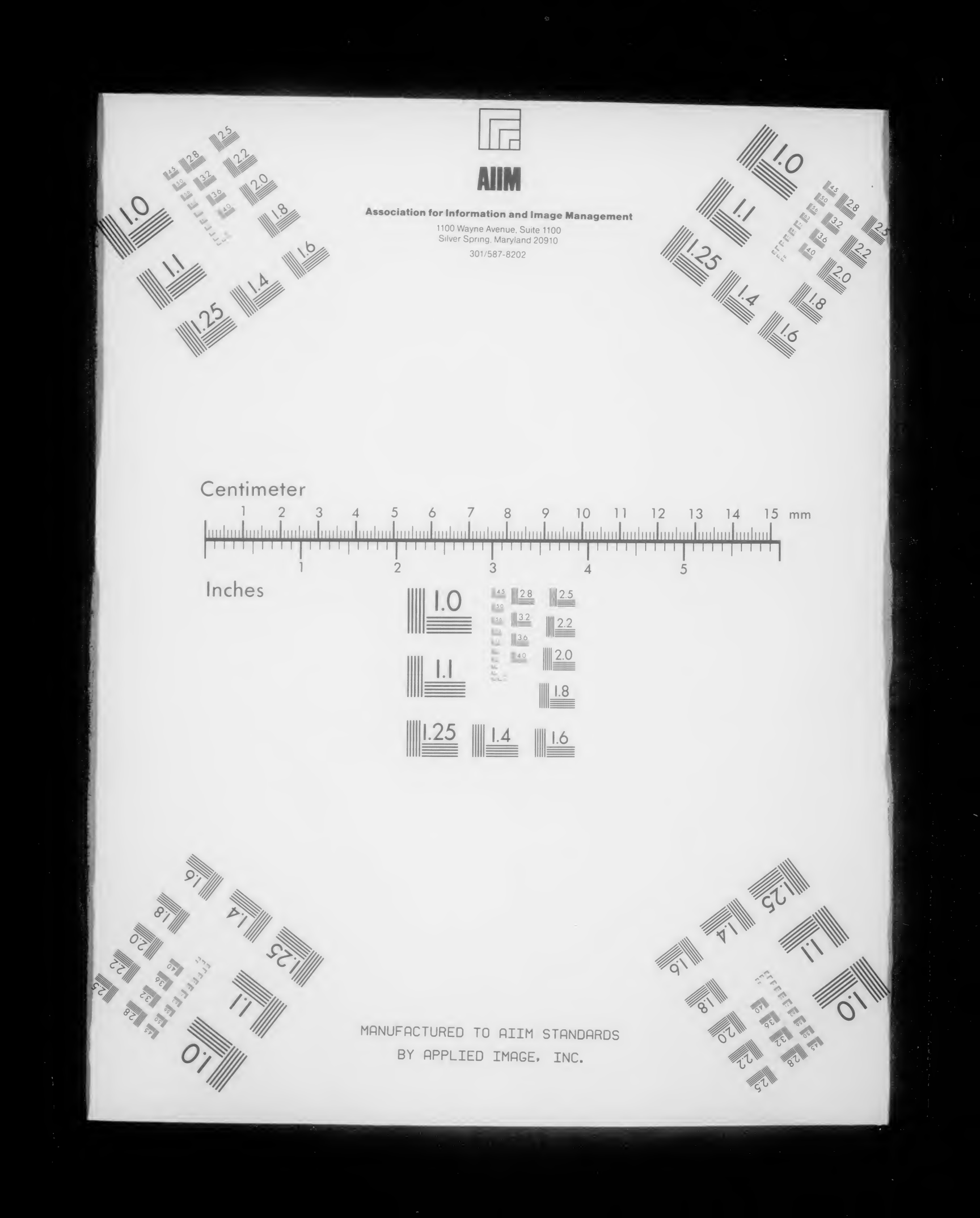
TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35 mm REDUCTION RATIO: 4

IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB IIB

DATE FILMED: 11-1-91 INITIALS MB

FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT


AIIM
Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202
Centimeter
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm
Inches
1 2 3 4 5
MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

КОМЕДІЯ МЕНАНДРА «ГЕРОЙ».

1.

Среди недошедшихъ до насъ комедій Менандра находилась между прочимъ одна, носившая заглавіе Ἥρως. Незначительное число фрагментовъ, которые сохранились отъ нея [1]), а также недостаточный объемъ этихъ фрагментовъ (самый большой изъ нихъ не превышаетъ 3 строкъ) не позволяли, конечно, судить о томъ, каково было содержаніе пьесы и на чемъ по преимуществу могла сосредоточиваться ея интрига. Только изъ одного фрагмента [2]) можно было заключать, что и въ Ἥρως, какъ во всякой другой пьесѣ „новой“ комедіи, любовный мотивъ игралъ свою обычную роль, оправдывая такимъ образомъ извѣстныя слова Овидія:

fabula iucundi nulla est sine amore Menandri [3]).

Но само собой разумѣется, что подобное „заключеніе“ не давало никакихъ положительныхъ результатовъ, и комедія Менандра Ἥρως продолжала оставаться однимъ изъ тѣхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, которыми такъ богата наука классической филологіи.

До извѣстной степени этотъ пробѣлъ въ нашемъ знаніи былъ восполненъ только въ 1908 г. послѣ нахожденія знаменитаго Каирскаго кодекса, сохранившаго кромѣ отрывковъ изъ „Ἐπιτρέποντες“, „Σαμία“ и „Περικειρομένη“ еще и начало той комедіи, о которой идетъ рѣчь. Впрочемъ я долженъ оговориться. Въ рукописи заглавіе нашей пьесы не сохранилось; сохранилось только стоявшее за нимъ слово

[1]) *Kock*, Com. att. fragm. III, 60 sq.; *Meineke*, Fragm. com. graec. IV, 128 sqq.; *Kretschmar*, De Menandri reliquiis nuper repertis (Lipsiae 1906), 59; *A. Koerte*, Menandrea (Lipsiae 1910), 8 sqq.

[2]) Fragm. 209 (= *Kock*, o. c., 60).

[3]) Ovid. Trist. II, 369.

ενανδρου (читай μενάνδρου), на мѣстѣ же заглавія находится лакуна вмѣстимостью, приблизительно, въ 9 буквъ [1]). Но зато въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ комедіи (τὰ τοῦ δράμ(ατος) πρόσωπα), въ томъ спискѣ, который идетъ въ рукописи вслѣдъ за стихотворнымъ argumentum пьесы (ὑπόθεσις), третье мѣсто по порядку занимаетъ персонажъ, обозначенный именемъ ἥρως θεός. Обративъ вниманіе на это обстоятельство, первый издатель рукописи Лефебръ [2]) предположилъ, что, по всей вѣроятности, пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, и есть комедія Менандра Ἥρως, до тѣхъ поръ извѣстная намъ лишь по нѣсколькимъ фрагментамъ. Эта догадка Лефебра была принята всѣми послѣдующими издателями и, насколько мнѣ извѣстно, возбудила серіозныя сомнѣнія только въ одномъ итальянскомъ ученомъ Maccari [3]), который выставилъ противъ нея слѣдующіе доводы. Во-первыхъ, говоритъ Maccari, Ἥρως θεός занимаетъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ третье по порядку мѣсто. Отсюда ясно, что онъ не игралъ заглавной роли [4]), но, на манеръ Ἄγνοια въ „Περικειρομένη", выходилъ съ прологомъ послѣ открывающей дѣйствіе вводной сценки, чтобы—прибавлю отъ себя—διηγήσασθαι τοῖς θεαταῖς σύμπαντα τοῦ δράματος τὸν λόγον [5]). Почему же въ такомъ случаѣ пьеса названа его именемъ? Во-вторыхъ, — и это не менѣе важно,—въ argumentum о ἥρως вовсе не упоминается. Лишнее доказательство въ пользу того, что его роль не была значительной! Въ-третьихъ, въ „новой" комедіи нѣтъ ни одного случая, чтобы персонажи, подобные Ἥρως θεός, обусловливали собой заглавіе пьесы. Въ-четвертыхъ, самое заглавіе Ἥρως нарушало бы алфавитный порядокъ слѣдованія пьесъ въ рукописи: вѣдь за Ἥρως въ кодексѣ идутъ Ἐπιτρέποντες! Наконецъ, не малое значеніе имѣетъ и тотъ фактъ, что лакуна слишкомъ велика для слова ἥρως, если дѣйствительно въ ней можетъ помѣститься около девяти буквъ и даже больше. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній Maccari приходитъ къ мысли, что гипотеза Лефебра не выдерживаетъ критики и, что мы, по всей вѣроятности, имѣемъ дѣло не съ пьесой Ἥρως, а съ какой-нибудь другой комедіей Менандра, названіе которой намъ неизвѣстно.

[1]) *A. Koerte*, о. с., XIII.

[2]) *Lefebvre*, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Kaire 1907), 3.

[3]) *Berl. phil. Woch.* 1909, col. 1131—1133.

[4]) Списки дѣйствующихъ лицъ, какъ видимъ мы это по рукописямъ драматиковъ, составляются обыкновенно въ порядкѣ выступленія этихъ лицъ на сцену или, вѣрнѣе, вступленія ихъ въ дѣйствіе. Ср. *Leo*, Der neue Menander (= *Hermes*, 43 (1908), 123, прим. 4).

[5]) Luc., Pseudolog. 4.

Всѣ эти соображенія Maccari болѣе или менѣе серьезны. Слабѣе прочихъ только одно изъ нихъ, а именно, что при обозначеніи пьесы заглавіемъ Ἥρως нарушается алфавитный порядокъ слѣдованія пьесъ въ рукописи. Впрочемъ, особо возражать противъ этого соображенія не приходится. Кёрте уже замѣтилъ по этому поводу, что въ рукописяхъ, представляющихъ собой изданіе не всѣхъ, а лишь избранныхъ произведеній даннаго автора, алфавитный порядокъ обыкновенно не соблюдается [1]). Наша же рукопись полнымъ собраніемъ сочиненій Менандра не была! Зато всѣ остальные доводы Maccari парировать довольно трудно, и единственнымъ вѣскимъ возраженіемъ противъ нихъ было бы, на мой взглядъ, слѣдующее. Какая бы роль ни лежала на ἥρως, во всякомъ случаѣ онъ въ нашей пьесѣ дѣйствовалъ. Съ другой же стороны мы знаемъ, что у Менандра была особая пьеса Ἥρως, въ которой, какъ само собой разумѣется, ἥρως опять-таки долженъ былъ выступать въ качествѣ дѣйствующаго персонажа. Но врядъ ли возможно предполагать, чтобы у Менандра было двѣ комедіи съ безымяннымъ ἥρως въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, да притомъ скомпанованныхъ такъ, что въ одной—ἥρως былъ *только* дѣйствующимъ лицомъ, а въ другой — помимо этого давалъ пьесѣ еще и заглавіе. Гораздо естественнѣе думать, что такихъ пьесъ было не двѣ, но одна, и что та именно пьеса и называлась Ἥρως, въ которой этотъ персонажъ игралъ особую роль, хотя бы и такую, какъ Ἄγνοια въ Περικειρομένη или Lar familiaris въ Aulularia Плавта. Далѣе изъ того, что у насъ нѣтъ примѣровъ обозначенія комедій именами такихъ персонажей, какъ ἥρως, врядъ ли слѣдуетъ, что этого въ практикѣ комической литературы вообще не было. Вѣдь заглавія въ „новой" комедіи не всегда соотвѣтствовали содержанію пьесъ, какъ видимъ мы это, напр., въ Ἐπιτρέποντες Менандра или въ Несуга Теренція, гдѣ главная тяжесть лежитъ не на тѣхъ лицахъ, именами которыхъ озаглавлены пьесы [2]). Да, но почему же о ἥρως нѣтъ упоминанія въ argumentum комедіи? Нѣтъ упоминанія потому, что во-первыхъ этотъ argumentum составленъ вообще очень неумѣло и путанно, а во-вторыхъ, потому что не на ἥρως, а на другихъ лицахъ сосредоточивалась интрига пьесы. Наконецъ, не такъ страшенъ и тотъ фактъ, что лакуна оказывается слишкомъ значительной для небольшого слова ἥρως. Вѣдь полное за-

[1]) *Koerte*, о. с., XIII. Ср., напр., рукописи драматиковъ, въ которыхъ при слѣдованіи пьесъ другъ за другомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на желаніе писцовъ выдерживать алфавитный порядокъ.

[2]) См. *Lefebvre*, о. с., 4.

главіе пьесы могло быть не просто Ἥρως, а Ἥρως θεός. Но даже, если прибавки θεός и не было, то слово ἥρως могло быть отдѣлено отъ слова Μενάνδρου посредствомъ spatium vacuum, перечеркнутаго или не перечеркнутаго знакомъ X, какъ дѣлается это, напр., въ частныхъ письмахъ, сохраненныхъ папирусами [1]). Однимъ словомъ, несмотря на всю серьезность возраженій Maccarі я все-таки не считаю ихъ уничтожающими гипотезу Лефебра и продолжаю думать, что пьеса, которую даетъ намъ Каирская рукопись, есть именно Ἥρως Менандра, а не какая-либо другая комедія того же автора.

Къ сожалѣнію, обогащая насъ новыми отрывками изъ Ἥρως, Каирскій кодексъ даетъ намъ не опредѣленный комплексъ сценъ, а всего на всего одну вводную сценку діалогическаго характера, заключающую въ себѣ 52 стиха. Эта сценка вмѣстѣ съ предшествующимъ ей заглавіемъ, спискомъ дѣйствующихъ лицъ и краткимъ стихотворнымъ argumentum пьесы занимаетъ одинъ папирусный листокъ, т. е. двѣ страницы (лицевую и оборотную), которыя, если судить по помѣтамъ наверху листа, были 29 (κθ) и 30 (λ) страницами рукописи. Кромѣ того къ нашей комедіи относится еще маленькій папирусный обрывокъ, исписанный съ обѣихъ сторонъ и содержащій въ общемъ 9 неполныхъ стиховъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ одной изъ тѣхъ сценъ пьесы, съ которыхъ начинался поворотъ дѣйствія ad iucundos exitus. Такимъ образомъ мы получаемъ 60 новыхъ стиховъ [2]), съ помощью которыхъ намъ приходится оперировать при реконструкціи комедіи. Конечно, прибавка эта, какъ можно видѣть, не отличается большими размѣрами. Но, можетъ быть, она содержитъ въ себѣ какіе-нибудь особенно цѣнныя свѣдѣнія? На это пусть отвѣтитъ сперва самъ текстъ, сохраненный Каирской рукописью, а затѣмъ уже, основываясь на немъ, мы посмотримъ, можно ли намъ браться за приблизительную реконструкцію пьесы и за выясненіе разныхъ частностей, такъ или иначе съ ней связанныхъ [3]).

* * *

[1]) Не скрою, впрочемъ, что въ приложеніи къ заглавіямъ литературныхъ произведеній такой пріемъ былъ бы единичнымъ.

[2]) Если не считать 12 стиховъ, приходящихся на argumentum комедіи. Съ этими же стихами всѣхъ новыхъ стиховъ будетъ 72.

[3]) Переводъ сдѣланъ по изданію *A. Koerte*, Menandrea (Lipsiae 1910). 3 sqq. Во вниманіе приняты также *Sudhaus*, Menandri reliquiae nuper repertae (Bonnae 1909), 55 sqq. и *Jensen*, De Menandri codice Cairensi (=*Rheinisches Museum*, N. F., 56, 576 sq.), равно какъ и *I. van Leeuwen*[2], Menandri quatuor fabularum.... fragmenta nuper reperta (Lugd. Batav. 1908), 1 sqq.

[Герой] Менандра.

Дѣвица, мальчика и дѣвочку родивъ,
Ихъ старостѣ-рабу сдала на воспитанье,
И вышла за того, кто соблазнилъ ее...
А рабъ, не вѣдая, что соблазнитель дѣтямъ —
Отецъ родной, ему ихъ отдалъ въ кабалу...
Влюбился въ дѣвушку тутъ рабъ одинъ, считая
Рабынею ее. Тѣмъ временемъ сосѣдъ
Надъ этой дѣвушкой успѣлъ свершить насилье...
Взять на себя вину рѣшился рабъ, а мать,
Не зная истины, разгнѣвалась ужасно.
Когда-жъ открылось все, отецъ призналъ дѣтей
И въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ПЬЕСЫ.

Гета.
Давъ.
Герой, богъ.
Миррина.
Фидій.
Софрона.
Сангарій.
Горгій.
Лахесъ.

Гета.

Должно быть, ты, мой Давъ, порядкомъ наблудилъ,
И вотъ теперь дрожишь: боишься, что засадятъ
На мельницу тебя, въ колодки... Такъ и есть!
А то къ лицу-ль тебѣ за голову хвататься
И волосы терзать? Скажи, о чемъ ревешь?

Давъ.

Ой, лихо мнѣ!

Гета.

Дуракъ! Смекаю я, въ чемъ дѣло...
Но знаешь, если ты деньжонокъ понабралъ,—
Ты долженъ былъ отдать ихъ мнѣ... на сохраненье,
Чтобъ получить потомъ, когда дѣла твои
Въ порядокъ бы пришли! Я отъ души жалѣю,
Что ты попалъ въ просакъ.

Давъ.

Я, право, не пойму,
Про что ты говоришь... Со мной стряслось другое!

Гета.

Откройся мнѣ: я—другъ.

Давъ.

Слышь, Гета, я пропалъ!

Гета.

Да что съ тобой, глупышъ?

Давъ.

Ахъ, не брани, дружище,
Влюбленнаго!

Гета.

Чего? Ты любишь?

Давъ.

Да, люблю...

Гета.

Ну, видно, баринъ твой кормилъ тебя не въ мѣру,
И вышло дѣло дрянь: ты зажирѣлъ, мой Давъ!

Давъ.

Я сердце потерялъ, лишь запримѣтилъ въ домѣ
Дѣвицу чудную... она подъ пару мнѣ!

Гета.

Рабыня, значитъ? Да?

Давъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ... отчасти.—
Не такъ давно у насъ, въ Птелеяхъ, жилъ пастухъ!
Онъ вышелъ изъ рабовъ, носилъ онъ имя „Тибій“,
А жилъ съ двумя дѣтьми,—съ двоешками, какъ самъ
Ихъ называлъ,—съ Планго... въ нее я и влюбился...

Гета.

Смекнулъ.

Давъ.

И съ Горгіемъ: такъ юношу зовутъ!

Гета.

Не этотъ юноша къ вамъ въ пастухи нанялся?

Давъ.

Онъ самый... Ну, такъ вотъ былъ голодъ, и старикъ,
Отецъ ихъ, Тибій, взялъ на пропитанье дѣтокъ
У насъ... у барина въ долгъ мину серебра,
Потомъ еще одну, ну, а затѣмъ... онъ померъ!

Гета.

Знать, третьей мины въ долгъ твой баринъ не ссудилъ?

Давъ.

Пожалуй, что и такъ... На погребенье Горгій
Деньженокъ призанялъ, похоронилъ отца,
Честь-честью сдѣлалъ все, и къ намъ съ сестрой явился,
Чтобъ отработать долгъ...

Гета.

Ну, а Планго, — та что?

Давъ.

Она—при барынѣ, прядетъ съ ней шерсть, по дому
Распоряжается... Такая ужъ она,—
Смѣешься, Гета? Да?

Гета.

Ей богу, и не думалъ!

Давъ.

Такая скромная, и что за царскій видъ!

Гета.

И это будетъ всё?—Скажи, шаги какіе
Тобою сдѣланы?

Давъ.

Клянусь Геракломъ я,
Что никакихъ шаговъ исподтишка не дѣлалъ!
Я барину во всемъ открылся, ну, а онъ
Плангѳ мнѣ въ жены дать пообѣщалъ и съ братомъ
Ея поговорить.

Гета.

Да вѣдь тебѣ везетъ!

Давъ.

А въ чемъ везетъ, скажи? Три мѣсяца ужъ будетъ,
Какъ Лахесъ по дѣламъ на Лемносъ укатилъ!—
Надѣюсь всё же я! Вотъ только-бъ онъ вернулся—

Гета.

Какой ты преданный!

Давъ.

И съ выгодой притомъ!

* * *

Мной оставлены безъ перевода 4 неполныхъ стиха, которые идутъ за словами „и съ выгодой притомъ“ (ὄνησις εἴη) и которые въ рукописи имѣютъ слѣдующую форму:

ονησις ειη: πολυ π[
φρονεις · εγω γαρ κα[
θυσαιμ ανονητον . . [[1])
ω ξυλοφορω[

Смыслъ этихъ стиховъ для меня не совсѣмъ ясенъ, а потому я воздерживаюсь отъ ихъ дополненія, хотя бы и exempli gratia. Что же касается до попытокъ другихъ ученыхъ, то наиболѣе смѣлымъ оказался американскій ученый Capps [2]), подъ рукой котораго весь пассажъ принялъ такой видъ:

ὄνησις εἴη: πολὺ π[ρεπόντως καὶ καλῶς],
φρονεῖς . ἐγὼ γὰρ κα[ὶ πένης ὢν σφοδρ' ἄν ἐρῶν]

[1]) ανονητον Jensen, раньше читали αλις νη τον Πο[σειδω.

[2]) *Capps*, On the text of Menander's Ἐπιτρέποντες with notes on the Heros (=*American Journal of philology*, XXX (1908), 36).

θύσαιμ' ἄλις, νὴ τὸν Πο[σειδῶ, τοῖς θεοῖς].
ὦ ξυλόφορ' [εἰς θυσίαν σὺ δεῦρο φέρε ταχύ]
[πλῆθος ξύλων].

Я не могу сказать, чтобы эта реконструкція Capps'a мнѣ очень нравилась. Не говоря уже о томъ, что греческій языкъ не отличается въ ней Менандровскимъ изяществомъ и правильностью [1]), она, на мой взглядъ, не совсѣмъ вѣрно передаетъ и тѣ мысли, которыя поэтъ хотѣлъ, повидимому, вложить въ уста Геты. Не вѣрнѣе ли будетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ? Гета, который все время относится съ насмѣшкой къ чувствованіямъ и переживаніямъ Дава, не измѣняетъ своей тактики и въ вышеприведенныхъ стихахъ. Мысли Дава кажутся ему неподходящими къ рабскому положенію послѣдняго. Ему чудится, что Давъ μεῖζον ἢ κατὰ δοῦλον φρονεῖ. И вотъ онъ заявляетъ, что если бы ему пришлось, паче чаянія, очутиться, какъ Даву, въ положеніи счастливаго любовника, онъ воздержался бы отъ принесенія благодарственныхъ жертвъ богамъ (ст. 3: θύσαιμ'), такъ какъ, по его мнѣнію, въ любви нѣтъ никакой выгоды (ст. 3: ἀνόνητον) для того, кто находится на положеніи ξυλοφόρος, т. е. человѣка подъяремнаго, несвободнаго [2]). Само собой разумѣется, что эти слишкомъ уже матеріальные доводы Геты не могли не вызывать возраженія со стороны Дава, въ глазахъ котораго холодность Геты къ любви объясняется просто на просто тѣмъ, что Гета еще не успѣлъ испытать на себѣ всей силы Эроса. Но въ такомъ случаѣ естественнымъ продолженіемъ стиха 52 былъ бы fr. 345 (=Kock, III, 100), отнесенный къ нашей пьесѣ и въ частности къ бесѣдѣ рабовъ уже Лео [3]):

А. οὐπώποτ' ἠράσθης, Γέτα.
Β. οὐ γὰρ ἐνεπλήσθην. Т. е.

Давъ.

Ты, Гета, не любилъ!

[1]) Да не посѣтуетъ на меня почтенный американскій ученый, но я долженъ сказать, что греческій языкъ его дополненій нѣсколько напоминаетъ собой тѣ невозможныя конъектуры, которыми изобилуетъ пресловутое изданіе Менандра, сдѣланное Unus multorum (The lately discovered fragments of Menander by *Unus Multorum*, 2 edition, Oxford 1909).

[2]) Нельзя ли дополнять ст. 3—4 приблизительно такъ:

οὐκ ἄν
θύσαιμ'. ἀνόνητόν ἐστι τοῦτο τὸ πρᾶγμά (sc. ἐρᾶν) γε
<τ>ῷ ξυλοφόρῳ?

[3]) *Leo*, Der neue Menander (=*Hermes*, 43 (1908), 127, прим. 1).

Гета.

Гдѣ тутъ! Я до̀ сыта ни разу не наѣлся!

Въ этомъ фрагментѣ, какъ бы рекапитулирующемъ бесѣду двухъ рабовъ-пріятелей, еще разъ, и притомъ съ поразительной ясностью, отмѣчено то рѣзкое различіе, которое существуетъ между Давомъ и Гетой по отношенію къ ихъ внутреннему содержанію и вкусамъ. Гета [1]) и Давъ это — двѣ противоположности, два контраста, взаимно оттѣняющіе другъ друга, два опредѣленныхъ типа съ рѣзко выраженной индивидуализаціей. Давъ—это типъ мечтателя, типъ человѣка, въ которомъ, несмотря на всю приниженность его соціальнаго положенія, не замерла, не заглохла способность сильныхъ чувствованій и глубокихъ переживаній. Не одни вопросы матеріальнаго характера затрагиваютъ его душу. Кромѣ нихъ онъ доступенъ и вопросамъ сердечнаго свойства, но доступенъ не съ грубой, не съ животной стороны,— наоборотъ, вся его любовь къ Планго̀ отличается мягкими и нѣжными тонами. Давъ, такъ сказать, поэтизируетъ ее, и потому грубый намекъ Геты (стихъ 40), понимающаго любовь въ духѣ древней комедіи, въ смыслѣ удовлетворенія похоти, вызываетъ съ его стороны горячую и наивную отповѣдь. Онъ торопится выяснить своему товарищу всю ошибочность его предположеній насчетъ разныхъ, яко-бы предпринятыхъ, „шаговъ“, онъ хочетъ доказать ему, что въ немъ, въ Давѣ, говоритъ настоящая любовь, а не вспышка минутной страсти. И въ устахъ Дава эти его доводы звучатъ такъ трогательно, съ такой опредѣленностью и прямотой, что любой adulescens „новой“ комедіи блѣднѣетъ, какъ типъ любовника, передъ этой фигурой влюбленнаго раба. Но фигура Дава, какъ это ни странно, стоитъ сравнительно одиноко въ греко-римской комической литературѣ. Правда, типъ „влюбленнаго“ раба встрѣчаемъ мы еще въ лицѣ Токсила изъ комедіи Плавта Persa [2]). Однако, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ, разница между Давомъ и Токсиломъ настолько значительна, что о настоящемъ сходствѣ говорить почти что нельзя. Вѣдь это сходство

[1]) По характеру своей роли Гета былъ, повидимому, πρόσωπον προτατικόν, т. е., былъ тѣмъ персонажемъ, подъ которымъ, говоря словами Доната (Andr. praef. 8), „ea persona intelligitur, quae semel inducta in principio fabulae in nullis deinceps fabulae partibus adhibetur“. По поводу πρόσωπα προτατικά вообще см. *Leo*, Plautinische Forschungen, 120. Ср. также *Leo*, Der neue Menander (= *Hermes*, 43 (1908), 126).

[2]) См. *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра (Казань 1909), 14; *Legrand*, Les nouveaux fragments de Ménandre (= *Revue des études anciennes*, X (1908), 18).

заключается, въ сущности говоря, только въ *самомъ* фактѣ влюбленности, но отнюдь не въ *отношеніи* къ любимой дѣвушкѣ. Правда, мнѣ могутъ возразить, что еще неизвѣстно, какъ развивался типъ Дава при поступательномъ движеніи комедіи. Мнѣ могутъ сказать, что тотъ легкій романтическій налетъ, который лежитъ на немъ въ начальной сценкѣ, могъ сглаживаться и пропадать въ дальнѣйшемъ. Но вѣрно ли это? Я думаю, что нѣтъ, и думаю такъ потому, что, если судить по argumentum пьесы (ст. 9), то выходитъ, что Давъ даже выростаетъ въ своемъ благородствѣ, а не только не утрачиваетъ его. Вѣдь любовь Дава оказывается настолько глубокой и прочной, что онъ рѣшается взять на себя даже вину позора дѣвушки, позора, къ которому, онъ вовсе непричастенъ, лишь бы только не потерять Планго̀, не быть разлученнымъ съ нею. Въ виду всего этого я продолжаю видѣть въ лицѣ Дава рѣдкій и интересный типъ *влюбленнаго* раба, типъ, стоящій по даннымъ, въ него вложеннымъ, довольно одиноко и сиро среди другихъ извѣстныхъ намъ типовъ греческой и римской комической литературы [1]). Впрочемъ, поскольку дѣло касается благородства Дава, то правъ, пожалуй, Б. В. Варнеке [2]), считающій, что „по своимъ нравственнымъ качествамъ рабъ изъ Adelphoe Теренція“ немногимъ уступаетъ рабу нашей пьесы. И дѣйствительно, привязанность этого раба къ его госпожѣ, Состратѣ, привязанность, подъ вліяніемъ которой онъ забываетъ о личныхъ выгодахъ и думаетъ только объ интересахъ своей domina и ея дочери, производитъ чарующее впечатлѣніе. Но помимо этого Теренціевскій рабъ останавливаетъ на себѣ вниманіе и той чистотой нравственныхъ принциповъ, которая такъ чужда благороднымъ юношамъ „новой“ комедіи и такъ присуща ему, несмотря на всю его „худородность“. Отсюда ясно, что его можно сопоставлять съ нашимъ Давомъ и видѣть въ немъ одну изъ разновидностей типа „благороднаго“ раба, взятаго только въ иномъ положеніи, а именно, въ положеніи слуги, преданнаго „безъ лести“. Но такъ какъ оригиналъ Adelphoe восходитъ къ Менандру [3]), то ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ думать, что созданіе даннаго типа или, беря вопросъ шире, типа „благороднаго“ раба вообще, есть дѣло рукъ нашего поэта. Если же это вѣрно, то въ такомъ случаѣ Менандръ явится какъ бы прямымъ продолжа-

[1]) Ср. *Koerte*, Menander (=*Archiv für Papyrusforschung*, IV (1908), 506).

[2]) *Б. В. Варнеке*, о. с., 15.

[3]) Ср. Don. Adelph. praef. III, 8: facta autem haec una est de duabus fabulis, Adelphis Menandri et Commorientibus Diphili.

телемъ Еврипида, который не разъ въ своихъ трагедіяхъ съ любовью останавливается на вопросѣ о рабахъ, какъ о людяхъ, и который первымъ рѣшился сказать, что и рабъ можетъ быть благороднымъ (γενναῖος, ἐσθλός), если только къ нему, какъ къ человѣку, можно будетъ приложить слѣдующія слова:

δοῦλον γὰρ ἐσθλὸν τοὔνομ' οὐ διαφθερεῖ,
πολλοὶ δ' ἀμείνους εἰσὶ τῶν ἐλευθέρων [1]).

Переходимъ теперь къ собесѣднику Дава, къ рабу Гетѣ, рѣчью котораго и открывается вводная сценка. Я уже говорилъ выше, что Гета является полной противоположностью Даву. Причиной же этой противоположности служитъ то, что Давъ—мечтатель, а Гета—практикъ, и практикъ грубый, неспособный отвлекаться отъ матеріальныхъ выгодъ.

Взятый подъ такимъ угломъ зрѣнія, Гета, какъ отдѣльный типъ, не представляетъ собой чего-либо новаго, намъ абсолютно неизвѣстнаго. Подобныхъ рабовъ въ „новой" комедіи много, причемъ, въ сущности говоря, всѣ они являются лишь развѣтвленіями того обычнаго типа раба, зачатки котораго, еще не вполнѣ стилизованные, можно видѣть уже у Аристофана (ср., напр., Каріона изъ „Богатства" или Ксаноія изъ „Лягушекъ"). Вотъ этимъ „однимъ изъ многихъ" будетъ и Гета. Онъ — настоящій рабъ, пронырливый, хитрый, не чуждый грубости, не понимающій того, что̀ заходитъ за рамки подневольной жизни, а если и понимающій, то лишь односторонне, въ матеріальномъ смыслѣ. Въ силу этого ему чужды всѣ такъ называемыя высокія побужденія. Онъ не понимаетъ ихъ, они кажутся ему лишними. По его мнѣнію, суть жизни въ иномъ, — въ деньгахъ, въ хорошей ѣдѣ и т. д. Недаромъ, замѣтивъ тоску Дава, онъ приписываетъ ее денежной потерѣ. Недаромъ, узнавъ о любви пріятеля, онъ иронизируетъ надъ его сытостью. Вѣдь въ глазахъ Геты любить можетъ только тотъ, кто сытъ, кому незачѣмъ заботиться о своемъ пропитаніи [2]). Любовь—это преимущество богатыхъ, рабамъ же не къ

[1]) Fragm. 511 (=*Nauck*², Trag. graec. fragm., 524). Ср. еще Ion, v. 854; Helena, v. 730, а также fr. 831 (=*Nauck*, o. c., 630):

πολλοῖσι δούλοις τοὔνομ' αἰσχρόν, ἡ δὲ φρὴν
τῶν οὐχὶ δούλων ἐστ' ἐλευθερωτέρα.

[2]) Старая мысль, которую слѣдующимъ образомъ выразилъ еще трагикъ Ахей (=*Nauck*², Trag. graec. fragm., 748):

ἐν μὲν κενῇ γὰρ γαστρὶ τῶν καλῶν ἔρως
οὐκ ἔστι· πεινῶσαν γὰρ ἡ Κυπρὶς πικρά.

лицу заниматься подобными пустяками, и тотъ изъ нихъ, кто этимъ занимается, человѣкъ—никчемный, непутящій. Однимъ словомъ, для Геты на первомъ планѣ стоитъ выгода и только, но зато въ немъ чувствуется ловкость, сила и смекалка, чего у Дава нѣтъ и въ поминѣ. Поэтому Давъ возбуждаетъ въ Гетѣ легкое презрѣніе, какъ человѣкъ безтолковый, безпомощный, и Гета все время смѣется надъ нимъ то открыто, то подъ сурдинку, подобно тому, какъ въ X идилліи Ѳеокрита такую же насмѣшку вызываетъ со стороны практичнаго Милона любовная тоска мечтательнаго Букея.

Я намѣренно отмѣтилъ это сходство между идилліей Ѳеокрита и нашей сценкой, ибо считаю его не случайнымъ. И дѣйствительно, въ идилліи, какъ и въ нашей сценкѣ, сопоставлены два противоположныхъ типа,—типъ практика и типъ мечтателя: въ идилліи, какъ и у Менандра, причиной, вызывающей разговоръ, служитъ удрученное состояніе одного изъ собесѣдниковъ, обращающее на себя вниманіе другого; въ идилліи, какъ и у насъ въ сценѣ, исповѣдь любящаго встрѣчаетъ насмѣшку со стороны его товарища. Однимъ словомъ, общность ситуаціи *несомнѣнна*. Но помимо этого и отдѣльныя выраженія у Ѳеокрита, не будучи, правда, тожественны съ менандровскими, все-таки напоминаютъ ихъ, хотя бы на манеръ реплики, не передающей всѣхъ деталей своего оригинала [1]). Этотъ, отмѣченный мною, фактъ сходства очень любопытенъ и поученъ. Вѣдь онъ, если я не ошибаюсь, еще разъ подчеркиваетъ ту зависимость [2]), которая существовала между Ѳеокритомъ и драмой, — въ частности, между Ѳеокритомъ и „новой" комедіей! То же обстоятельство, что идиллія выдержана въ нѣсколько иномъ тонѣ, что она, несмотря на весь свой реализмъ, „окрашена въ значительно болѣе сентиментальную краску" [3]), — это обстоятельство, думается мнѣ, не ослабляетъ приведенныхъ нами соображеній. Я полагаю даже, что иначе и быть не могло, ибо, во-первыхъ, Ѳеокритъ не есть простой подражатель, но оригинальный поэтъ, а во-вторыхъ, буколическій жанръ, въ кото-

Ср. также Eur., fr. 895 (=*Nauck*, o. c., 647):

ἐν πλησμονῇ τοι Κύπρις, ἐν πεινῶντι δ' οὔ.

Или Men. mon. 156 (=*Meineke*, Menandri et Philemonis reliquiae, 318):

ἔρωτα παύει λιμὸς ἢ χαλκοῦ σπάνις.

[1]) Ср. слѣдующіе стихи X идилліи: ст. 10—11, ст. 13—15, а также ст. 19—20.

[2]) Ср. *Legrand*, Etude sur Théocrite (Paris 1898), 111.

[3]) *Б. В. Варнеке* (о. с., 93) правильно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что такъ какъ Букей любитъ τινὰ τῶν ἀπεόντων, то его любовь получаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ.

ромъ онъ работалъ, хотя и былъ, подобно драмѣ, однимъ изъ видовъ мимическаго, все-таки предъявлялъ иныя требованія, да къ тому же подчинялся инымъ законамъ, инымъ вкусамъ.

2.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, который для насъ является не менѣе важнымъ, чѣмъ вопросы, нами уже затронутые, а именно, къ вопросу о томъ, мыслимо ли на основаніи argumentum и сценки возстановить съ приблизительной точностью содержаніе комедіи и, если мыслимо, то въ чемъ это содержаніе заключалось. На первый взглядъ можетъ показаться, что рѣшить этотъ вопросъ не такъ трудно и что отвѣтъ на него будетъ безусловно положительный. Вѣдь argumentum, каковъ бы онъ ни былъ, даетъ намъ остовъ пьесы; сценка же въ свою очередь знакомитъ съ началомъ комедіи, съ двумя участвовавшими въ ней персонажами, и, наконецъ, съ нѣкоторыми подробностями, лежащими въ основѣ интриги. Кромѣ того, мы располагаемъ спискомъ дѣйствующихъ лицъ въ порядкѣ ихъ выступленія на сцену и нѣсколькими, правда незначительными, фрагментами.

Къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ для *настоящей* реконструкціи,—отчасти по винѣ argumentum [1]), который, будучи слишкомъ краткимъ и путанымъ, не можетъ служить надлежащимъ поясненіемъ къ сохранившемуся тексту. Въ виду этого при реконструкціи комедіи на многое приходится отзываться незнаніемъ, многаго совсѣмъ не затрогивать и вообще судить обо всемъ съ большой проблематичностью и неопредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, кое-какихъ результатовъ добиться все-таки можно, причемъ эти результаты въ общемъ сведутся къ слѣдующему.

Судя по бесѣдѣ рабовъ, дѣйствіе пьесы происходитъ не въ Аѳинахъ, а за чертой города, въ деревнѣ, въ предѣлахъ дема „Птелеи“. На это указываютъ слова Дава (стихъ 21):

не такъ давно *у насъ*, *въ Птелеяхъ*, жилъ пастухъ,

[1]) По поводу составленія и нашего argumentum и всѣхъ тѣхъ, которыми снабжены комедіи Аристофана (кромѣ „Облаковъ“), а также „Эдипъ царь“ и „Филоктетъ“ Софокла см. *Michel*, De fabularum graecarum argumentis metricis. Diss. (Gissae 1908). Согласно доводамъ Michel'я, на мой взглядъ пріемлемымъ, выходитъ, что время составленія этихъ argumenta падаетъ на II—I вв. до Р. Хр. Наоборотъ *Leo* (Plaut. Forschungen, 20) и *Wilamowitz—Moellendorff* (Euripides Herakles. I, 145) относятъ ихъ къ императорской эпохѣ, что врядъ ли правильно: противъ этого говоритъ отчасти метрика, отчасти языкъ!

а также слѣдующій фрагментъ, который произносило одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи (fr. 10 Koerte):

охотникамъ, *сюда* изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Отсюда ясно, что и сцена должна была изображать собой или сельскій видъ или, просто, большую дорогу, на которой стояли два дома,—одинъ, принадлежащій хозяину Дава, Лахесу, а другой—Фидію, т. е., тому юношѣ—сосѣду [1]), о которомъ упоминается въ argumentum (стихъ 7) и имя котораго фигурируетъ на пятомъ мѣстѣ въ спискѣ τῶν τοῦ δράματος προσώπων. Далѣе изъ той же бесѣды мы узнаемъ, что Лахесъ по торговымъ дѣламъ отбылъ на Лемносъ (ст. 47), что дома находится только его жена Миррина (ст. 36) и что при ней въ качествѣ помощницы состоитъ та самая Планго, въ которую влюбленъ Давъ. Однимъ словомъ, мы видимъ передъ собой картину мирной, чисто-буржуазной жизни, гдѣ все идетъ по налаженному и гдѣ врядъ ли можно предполагать наличность какихъ-нибудь бурь и треволненій. По крайней мѣрѣ, Давъ не знаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ оказывается, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; что былъ моментъ въ жизни Миррины, когда ея благополучію грозила опасность, и что, наконецъ, въ ея прошломъ есть тайна, которая до сихъ поръ еще не вышла наружу. Правда, все это было уже очень давно, цѣлыхъ 18 лѣтъ тому назадъ [2]), когда Миррина еще не была замужемъ. Но тѣмъ не менѣе все это было, а потому не исключена возможность, что когда-нибудь давно минувшее событіе вскроется: надо только, чтобы въ дѣло вмѣшался Случай (Τύχη)! Въ чемъ же заключается тайна Миррины? Она заключается въ томъ, что Миррина, будучи дѣвушкой, подверглась насилію со стороны какого-то юноши, который остался ей неизвѣстенъ, т. е. иными словами, съ ней случилось то самое, что случилось съ Мириной изъ „Земледѣльца“, съ Памфилой изъ „Третейскаго суда“ и со многими другими дѣвушками „новой“ комедіи. Произошло же это событіе либо на какомъ-нибудь почномъ празднествѣ (παννυχίς) [3]), какъ видимъ мы это въ „Третей-

[1]) Имя Фидій прилагается въ „новой“ комедіи обыкновенно къ юношамъ. Ср. *Warnecke*, Menandrea (=*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1909, февраль, отд. класс. филол., 69).

[2]) „ἔτη' στιν ὀκτὼ καὶ δεκ'“—такъ начинается первый изъ тѣхъ 9 стиховъ, которые находятся на папирусномъ обрывкѣ, упомянутомъ мной выше (стр. 4).

[3]) Ср. Aelian. hist. an. VII, 19: ἤκουσα δὲ κυνοκεφάλους καὶ παρθένοις ἐπιμανῆναι καὶ

скомъ судѣ“ Менандра и въ „Epidicus“ Плавта, либо въ деревнѣ, согласно слѣдующимъ словамъ Эліана [1]): εἰ δέ που καὶ μεθύων κόρῃ περιπέσοις ἄβραν ἀνακαλούσῃ ἢ τὴν τίτθην ὑπολειφθεῖσαν εὑρεῖν πειρωμένῃ τάχα τι καὶ θερμὸν δράσεις καὶ νεανικὸν ἔργον.

Во всякомъ случаѣ, результатомъ насилія было то, что Миррина родила двухъ близнецовъ,—мальчика и дѣвочку, которыхъ, какъ говоритъ argumentum, отдала на воспитаніе какому-то рабу (мы знаемъ, что его звали Тибіемъ), занимавшему—надо думать, у родителей Миррины — мѣсто ἐπίτροπος, т. е. старосты [2]). Слова *„отдала на воспитаніе“* не значатъ, конечно, что Миррина собственноручно вручила малютокъ Тибію: для этого она могла воспользоваться услугами преданной рабыни, вѣроятно, той самой Софроны, имя которой фигурируетъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова заставляютъ думать, что Миррина знала, *кому* переданы ея дѣти, такъ какъ, если бы дѣло обстояло иначе, то выраженіе ἔδωκεν ἐπιτρόπῳ τρέφειν не имѣло бы смысла. Или, можетъ быть, авторъ argumentum выразился не достаточно точно? Можетъ быть, въ виду этого его слова не нужно понимать буквально, но слѣдуетъ, подобно van Leeuwen'у думать, что дѣти были отданы такъ, „ut et Myrrhina ignoraret quid de prole sua factum esset et Tibius ignoraret ex quibus parentibus nati essent illi gemelli“ [4])? Koerte, слѣдуя van Leeuwen'у, такъ и думаетъ, причемъ обосновываетъ свое мнѣніе на ст. 10: οὐκ εἰδυῖα δ'ἡ μήτηρ | ἄγαν ἐδυσχέραινε—„а мать | по невѣдѣнію разгнѣвалась очень сильно“ [5]). Чего же спрашивается, Миррина *не выдала*? Того, что она—мать Планго? Если да, то, конечно, авторъ argumentum не имѣлъ права говорить, что она „отдала своихъ дѣтей Тибію“. И дѣйствительно, зная, гдѣ и у кого находятся ея дѣти, а затѣмъ,

μέντοι καὶ βιασθῆναι ὑπὲρ τὰ μικρὰ μειράκια τα τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς παννυχίσιν ἀκόλαστα.

[1]) Aelian., Epist. rust. 15 (=Epistolographi graeci, ed. *Hercher*, 21).

[2]) Ср. Xenoph. Oecon. 12, 2: ἀλλά τοι, ὦ Σώκρατες, ἔφη ὁ Ἰσχόμαχος, οὐδ' ἐκεῖνά μοι ἀμελεῖται, ἃ σὺ λέγεις· ἔχω γὰρ ἐπιτρόπους ἐν τοῖς ἀγροῖς.

[3]) Имя Софрона прилагается обыкновенно къ рабынямъ, и въ частности, къ рабынямъ-нянямъ. Ср. „Третейскій судъ“ Менандра, а также „Евнуха“ и „Форміона“ Теренція, гдѣ въ спискахъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ Sophrona nutrix.

[4]) *J. van Leeuwen*[2], Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta (Lugd. Batav. 1908), 3.—Иначе думалъ van Leeuwen въ *первомъ* изданіи комедій Менандра. Ср. его слова (p. 5): Myrrhine... gemellos... clam enixa a Tibeio pastore... *impetravit*, ut is pro *suis* eos liberos educaret.

[5]) *A. Koerte*, o. c., XIV.

послѣ смерти Тибія, видя ихъ около себя, какимъ образомъ могла Миррина не вѣдать, что она—мать Планго и Горгію? Да, но развѣ это хотѣлъ сказать авторъ argumentum? Онъ хотѣлъ, повидимому, сказать другое, а именно, что мать, не зная *истины*, т. е. думая, что ея, хотя бы и незаконная, дочь изнасилована *рабомъ*, пришла въ негодованіе—ἄγαν ἐδυσχέραινε. Такъ понимаетъ стихъ 10 Menozzi [1]), такъ переданъ онъ и мной въ моемъ переводѣ:

а мать,
не зная истины, разгнѣвалась ужасно!

Въ тѣсной связи съ толкованіемъ даннаго стиха находится и вся дальнѣйшая реконструкція нашей комедіи. Поэтому не мѣшаетъ провѣрить еще разъ это толкованіе хотя бы съ точки зрѣнія слѣдующаго, вполнѣ возможнаго возраженія. Menozzi думаетъ, что Миррина разгнѣвалась потому, что считала оскорбителемъ своей дочери раба. Значитъ, если бы роль насильника сыгралъ человѣкъ свободный, то Миррина отнеслась бы къ несчастію дѣвушки спокойно? Конечно, не спокойно, но спокойнѣе,—и вотъ по какой причинѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, Миррину не оставляла надежда на то, что со временемъ ей удастся найти отца своихъ дѣтей или съ помощью вещественныхъ признаковъ (ср. кольцо Харисія въ „Третейскомъ судѣ“, а также перстень Памфила въ „Несуга“ Теренція), или же благодаря какому-нибудь стеченію обстоятельствъ. Но коль скоро Планго оказалась бы дочерью свободнаго гражданина, то исчезли бы всѣ препятствія къ ея браку съ насильникомъ, подъ условіемъ, что послѣдній тоже—человѣкъ свободный. Зато совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывалось дѣло, разъ дѣвушка стала жертвой простого раба. Въ этомъ случаѣ выхода для Планго почти что не было. Итакъ, я думаю, что Menozzi правъ и что то объясненіе, которое онъ даетъ стиху 10, будетъ гораздо естественнѣе и понятнѣе обычнаго объясненія, предложеннаго van Leeuwen'омъ и принятаго другими.

Значитъ, согласно нашему представленію, дѣло съ Мирриной обстояло приблизительно такъ. Тайкомъ передавъ дѣтей, черезъ посредство преданной ей Софроны, на попеченіе стараго раба, который могъ и не знать [2]), чьи дѣти ему переданы, Миррина могла вздохнуть свободно: помѣха къ выходу замужъ была устранена [3]), а за сохра-

[1]) *Menozzi*, Sull' Ἡρως di Menandro (Firenze 1908), 12.

[2]) Такъ считаетъ *Menozzi*, o. c., 10.

[3]) Ср. *В. К. Ернштедтъ*, Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи (С.-Петербургъ 1891), 163.

неніе тайны ручалась преданность Софроны. Прикрывъ такимъ образомъ свой дѣвическій грѣхъ, Миррина, по волѣ Случая, вышла замужъ, какъ разъ за виновника своего позора, причемъ ни онъ, ни она не узнали [1]) другъ друга и благодаря этому тайна ихъ первой встрѣчи осталась не вскрытой. Что же касается до дѣтей, порученныхъ Тибію, то Миррина не теряла ихъ изъ виду. Напротивъ того, она знала, гдѣ они находятся, тѣмъ болѣе, что Тибій жилъ по сосѣдству, но—уже на положеніи свободнаго человѣка, такъ какъ успѣлъ получить вольную отъ своихъ бывшихъ господъ. Впрочемъ, эта вольная, въ силу которой Тибій, какъ ἀπελεύθερος, вошелъ въ сословіе метиковъ, не отдѣлила его окончательно отъ семьи Миррины. Вѣдь, какъ ἀπελεύθερος, онъ долженъ былъ имѣть особаго попечителя, и этимъ попечителемъ былъ, конечно, Лахесъ, мужъ Миррины, какъ его прежній господинъ [2]). Такимъ образомъ связь между Тибіемъ и его бывшими хозяевами оставалась въ силѣ, чѣмъ и объясняется, что во время голода Тибій обратился какъ разъ къ Лахесу за вспомоществованіемъ, каковое и получилъ дважды. Объ одномъ только не зналъ Тибій, а именно, что Лахесъ и есть отецъ тѣхъ близнецовъ, которыхъ Тибій по всей округѣ выдавалъ за своихъ собственныхъ дѣтей (ср. argum. 4, а также стихъ 23).

Но вотъ Тибій умеръ. А такъ какъ деньги, взятыя имъ у Лахеса, остались невыплаченными и такъ какъ Горгій и Планго въ свою очередь не могли уплатить долга, то имъ пришлось перейти къ Лахесу на положеніе своего рода кабальныхъ людей, чтобы натурой отработать ту сумму, которая была взята Тибіемъ, т. е., иными словами, и братъ и сестра сдѣлались почти что рабами [3]). Насколько я знаю, намъ до сихъ поръ не было извѣстно, чтобы въ греческомъ законодательствѣ существовало нѣчто подобное [4]). Но, съ другой стороны,

[1]) То же самое видимъ мы въ „Третейскомъ судѣ“ Менандра и въ „Несуга“ Теренція.

[2]) См. *Schoemann-Lipsius*, Griechische Alterthümer, I, 369; *Beauchet*, Histoire du droit privé de la république athénienne, II, 488 sq.

[3]) Въ argum. 5 сказано, будто Тибій „отдалъ дѣтей въ кабалу“ (ὑπέθετο) Лахесу. Но этому противорѣчатъ стихи 24—25.—Какъ на рабовъ, смотритъ на близнецовъ и Давъ. Ср. его слова, касающіяся Планго и служащія отвѣтомъ на вопросъ Геты: „Рабыня значитъ? Да?“,—„Нѣтъ, не совсѣмъ.... отчасти“ (ст. 20).

[4]) Ср. *Wilamowitz-Moellendorff* und *Niese*, Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer (Berlin—Leipzig 1910), 189: Auffallender ist es, dass sich zwei Kinder eines Freigelassenen bei seinem früheren Herrn verdingen um eine Schuld ihres Vaters abzuarbeiten.

не вѣрить Менандру мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что его разсказъ не является единственнымъ. По крайней мѣрѣ, про подобный же случай съ дѣвушкой Антифилой, которую ея фиктивная мать оставила въ залогъ гетерѣ Бакхидѣ за невыплаченную сумму денегъ, говорятъ еще слѣдующіе стихи изъ Heautontimorumenos Теренція,—изъ пьесы, восходящей тоже къ Менандру (vv. 600 sqq.):

Sy. váh, vide quod incéptet, facinus. fuit, quaedam anus Corínthia
híc: huic drachumarum haéc argenti mílle dederat mútuom.
Ch. quíd tum? *Sy.* ea mortuást: reliquit fíliam adulescéntulam.
éa relicta huic árrabonist pro íllo argento. *Ch.* intéllego.

Правда, весь этотъ разсказъ про Антифилу выдуманъ рабомъ Сиромъ ля полученія денегъ съ Хремета, но изъ того, что Хреметъ не относится съ недовѣріемъ къ возможности такого факта, можно заключать, что подобные случаи бывали. Поэтому я не рѣшаюсь думать, чтобы мы имѣли дѣло съ простой выдумкой комика, съ простой фикціей, не отвѣчающей дѣйствительности [1]). Это не соотвѣтствовало бы обычной манерѣ Менандра, который при передачѣ серьезныхъ вопросовъ жизни не любитъ уходить въ область фантазіи и вымысла, но предпочитаетъ передавать ничѣмъ не скрашенную правду.

Какъ бы то ни было, дѣти, бывшія раньше вдали отъ матери, теперь, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, оказались при ней, въ ея домѣ, т. е., иными словами, произошло то, на что Миррина не могла и надѣяться. Воспользовавшись этимъ, она прежде всего помѣстила Планго поближе къ себѣ и такимъ образомъ получила возможность, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, находиться въ обществѣ своей дочери. Menozzi какъ будто кстати указываетъ и на литературную параллель, которая *до извѣстной степени* подходила бы къ нашему случаю, а именно, на „Фазму“ Менандра [2]). Непростительно только то, что, приводя эту параллель, онъ ограничивается словами одного Доната (Eun. prol. 9), забывая про существованіе отрывка изъ „Фазмы“, къ которому слова Доната являются какъ разъ комментаріемъ. Правда, этотъ отрывокъ опубликованъ въ *русскомъ* трудѣ В. К. Ернштедта „Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи“ (стр. 151) [3]). Но если rossica non leguntur, то, по крайней мѣрѣ,

[1]) Ср. *Legrand*, Daos. Tableau de la comédie grecque pendant la période dite nouvelle (Paris—Lyon 1910), 275.

[2]) *Menozzi*, o. c., 11, прим. 1.

[3]) Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать здѣсь свой взглядъ на трактовку текста

germanica legenda sunt! А между тѣмъ Menozzi игнорируетъ и статью Kock'a въ „*Rheinisches Museum*“, 48, 231 слл.! Зато, если бы итальянскій ученый просмотрѣлъ текстъ отрывка изъ „Фазмы“, онъ увидѣлъ бы, что сходство, которое бросилось ему въ глаза, будетъ чисто внѣшнимъ. Прежде всего въ „Фазмѣ“ мать, имѣющая незаконную дочь, извѣстна этой дочери. Далѣе, хотя бы и furtim, она сама воспитала своего ребенка. Наконецъ, о существованіи дочери знаетъ мужъ этой матери. Мало того, выходя замужъ за послѣдняго, мать вынуждена была разстаться съ дочерью, такъ какъ женихъ не соглашался взять ребенка къ себѣ въ домъ и легитимировать его. Тогда, вынужденная пожертвовать дочерью, мать тайкомъ продолжаетъ видѣться съ ней, и на почвѣ этихъ свиданій постепенно завязывается та интрига пьесы, которая и дала послѣдней заглавіе [1]). Отсюда ясно, что настоящаго сходства между нашей пьесой, если мы правильно ее реконструируемъ, и „Фазмой“ нѣтъ. Сходство заключается только въ томъ, что въ обѣихъ комедіяхъ матери не могутъ *открыто* признать своихъ дочерей и вынуждены утаивать отъ людей свое материнское чувство. Но эти частности слишкомъ недостаточны для сближенія пьесъ, а потому я думаю, что „параллель“, приведенная Menozzi, къ нашей пьесѣ не подходитъ и подойти не можетъ. Правильнѣе будетъ сказать, что ни на какую литературную параллель

„Фазмы“ новѣйшимъ его издателемъ, *A. Koerte* (о. с., 201). В. К. Ернштедтъ установилъ съ неопровержимой ясностью, что Порфирьевскій отрывокъ I b., относясь къ „Фазмѣ“ Менандра, представляетъ собой *монологъ* а не *діалогическую* сценку (о. с., 153). Но это не помѣшало Кёрте стать именно на откинутую В. К. Ернштедтомъ точку зрѣнія и, несмотря на отсутствіе въ отрывкѣ *всякихъ* внѣшнихъ признаковъ чередованія лицъ, сдѣлать изъ монолога діалогъ, въ которомъ, конечно, стихъ 19: τ]ουτὶ γὰρ ἔτι ποθεῖτ' ἴσως | μαθεῖν σαφέστερ]ον оказывается совсѣмъ не на мѣстѣ. Вѣдь этотъ стихъ ясно говоритъ за то, что разскащикъ обращается къ *публикѣ*, подобно тому, какъ то же самое видимъ мы въ Рейценштейновскомъ прологѣ (*Kaibel*, Ein Komödienprolog=*Nachrichten der K. Gesell. der Wiss. zu Göttingen*, phil.-hist. Kl., 1899, Heft. 4, 550) въ стихахъ 10—12: ὧν εὖ οἶδ' ὅτι | οὐθεὶς με[μάθηκεν οὐθέν. ἀλλὰ τοῦθ' ὁρᾶι | προς σύνε]σιν, ὑμᾶς δ' ἐξ ἀνάγκης βούλομα | πᾶν κατανο]ῆσαι. Ср. также Samia, v. 54: εἶτ'—οὐ λέγω δ' ἀνδρες πρὸς ὑμᾶς τοῦτ' ἐγώ. Такимъ образомъ, весь отрывокъ превратился подъ рукой Körte въ странную діалогическую сценку, въ которой одно лицо передаетъ другому подробности, могущія имѣть значеніе только для зрителей, ибо они излагаютъ πάντα τοῦ δράματος τὸν λόγον. Но разъ это такъ, то отрывокъ изъ „Фазмы“ не только не улучшенъ въ новомъ изданіи, но наоборотъ испорченъ, несмотря на рядъ довольно удачныхъ дополненій самого текста.

[1]) При изложеніи содержанія пролога „Фазмы“ я слѣдую разсужденіямъ *В. К. Ернштедта* (о. с., 163 слл.), которыя кажутся мнѣ неопровержимыми.

мы сослаться не въ состояніи. Да и развѣ это такъ необходимо? Я думаю, что нѣтъ.

Изъ исторіи дальнѣйшаго пребыванія дѣтей въ домѣ матери мы знаемъ, что Горгій, какъ истинный сынъ своего предполагаемаго отца, пастуха Тибія, ἐπιμελεῖται τῶν προβάτων (стихъ 26), тогда какъ Плангѝ „распоряжается по дому“ и помогаетъ Мирринѣ въ хозяйствѣ (стихъ 36). Считаясь „почти что рабыней“ (стихъ 20), она останавливаетъ на себѣ вниманіе Дава, и послѣдній, не на шутку влюбившись въ нее, обращается къ содѣйствію Лахеса, который и даетъ ему согласіе на его женитьбу на дѣвушкѣ [1]). Но предварительно Лахесъ долженъ былъ переговорить,—съ кѣмъ? Конечно, не съ Плангѝ, ибо если въ Аѳинахъ при бракѣ свободной дѣвушки о ея личномъ согласіи не считали нужнымъ спрашивать, то тѣмъ паче не спросили бы о согласіи рабыню, хотя бы и не настоящую. Значитъ, Лахесъ долженъ былъ переговорить или со своей женой или съ братомъ Плангѝ, Горгіемъ. Спрашивается, чтѝ естественнѣе, а потому, какъ слѣдуетъ дополнять лакуну, идущую въ рукописи за словами διαλεχθεὶς πρός (стихъ 44)? Всѣ издатели, начиная съ Лефебра (о. с. 11), ставятъ послѣ πρός слова τὸν ἀδελφόν. Только одинъ Menozzi [2]) думаетъ, что надо читать πρὸς γυναῖκα—„colla moglie“, но, по моему мнѣнію, это невѣрно. Вѣдь какъ ни какъ, роль κύριος дѣвушки принадлежитъ брату послѣдней, а слѣдовательно, съ братомъ и долженъ былъ говорить Лахесъ, но отнюдь не съ Мирриной,—тѣмъ болѣе, что ни Плангѝ, ни Горгій не являются настоящими рабами: они только на время стали какъ бы кабальными людьми!

Такимъ образомъ, дѣла Дава стали налаживаться, но какъ разъ въ этотъ моментъ Лахесъ уѣхалъ,—мотивъ, который примѣняется въ „новой“ комедіи преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда на причинахъ отъѣзда или отсутствія можно построить какія-нибудь компликаціи. И дѣйствительно, за время отсутствія Лахеса произошло событіе, котораго Давъ не ожидалъ и которое можетъ разстроить всѣ его планы, а именно: Плангѝ, какъ нѣкогда ея мать, подверглась насилію со стороны какого-то юноши. Правда, о томъ, что это случи-

[1]) Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*, о. с., 189: Die neu entdeckten Komödien Menanders haben uns Dinge gezeigt, die den Kundigen nicht überraschten, aber manchem doch das theoretisch Erfasste erst einleuchtend machten, die Sclaveneche als etwas Selbstverständliches, Freigelassene, die gleichwohl im Hause des früheren Herrn weiter dienen oder doch leben.

[2]) *Menozzi*, о. с. 11.

лось, мы узнаемъ не отъ Дава, а изъ argumentum (ст. 7 сл.). Но если судить по настроенію Дава, то можно думать, что это событіе ему извѣстно и что именно оно и привело его въ полное разстройство. Недаромъ, онъ „хватается за голову“, „вздыхаетъ“, находится внѣ себя. А что его душевное состояніе бросается въ глаза, видно изъ словъ Геты, который, будучи пораженъ видомъ пріятеля, подозрѣваетъ Дава въ совершеніи какого-нибудь крупнаго проступка (ср. ст. 1: κακόν τι Δᾶέ μοι δοκεῖς πεποιηκέναι | παρμέγεθες), влекущаго за собой ссылку провинившагося раба на мельницу (ст. 2 сл.), — самое ужасное наказаніе, какое только можно было придумать, ибо оно состояло въ тяжелой ручной работѣ жерновомъ, съ закованными въ кандалы ногами [1]). Отсюда ясно, что Давъ пришелъ въ разстройство не потому только, что онъ ждетъ не дождется Лахеса, замѣшкавшагося на Лемносѣ, но и потому, что его гнететъ какая-то мысль, отъ которой онъ не можетъ отдѣлаться, которую никому не можетъ повѣдать. Т. е., иными словами, Менандръ, не открывая пока самого факта, но лишь намекая на его наличность, старается этимъ подготовить зрителей къ воспріятію чего-то новаго, совсѣмъ для нихъ неожиданнаго, что̀ будетъ играть въ пьесѣ важную роль,—особый, присущій Менандру пріемъ, который Донатъ въ приложеніи къ alter ego Менандра, Теренцію, обозначаетъ словомъ *praestruere* [2]).

Почти всё, чего мы пока коснулись, относилось къ области событій, имѣвшихъ мѣсто до начала наступленія дѣйствія нашей комедіи. Только одна любовь Дава и его волненія относятся къ настоящему, которое и должно было развертываться передъ зрителями вслѣдъ за начальной сценкой, своего рода введеніемъ къ недошедшему до насъ цѣлому. Но какъ въ этомъ цѣломъ развивалось дѣйствіе, черезъ какіе этапы проходило оно, мы, къ сожалѣнію, сказать не можемъ. Тотъ сухой остовъ пьесы, который дошелъ до насъ въ видѣ argumentum, если и говоритъ о чемъ, то очень кратко, почти что однимъ намеками. Поэтому, если на основаніи его мы и можемъ набросать какую-нибудь картину, то исключительно контурную, не заполненную живыми красками, не дающую живыхъ образовъ и лицъ,

[1]) Недаромъ, лишь только Евфилетъ, герой I рѣчи Лисія, пригрозилъ рабѣ, пособницѣ своей жены, отправкой на мельницу, она созналась ему во всемъ (Lys. or. contra Eratosth., 18). Ср. Liban. or. 57, 54 (ed. *Förster*, vol. IV, p. 173): ξενον μὲν οὖν καὶ αὐτο τοῦτο καὶ οὐδαμῇ φορητον ἀπο μυλώνων καὶ ἐν αὐτοῖς ἀγρυπνιῶν ἄγεσθαι τινας ἐπὶ δυνάμεις (не надо ли вм. ἀγρυπνιῶν читать ἀγωνιῶν?).

[2]) Donat. Andr. 92.

не разсчитывающую на близкую и вѣрную передачу утерянаго оригинала. Достаточно будетъ и того, если она подойдетъ къ понятію τὸ εἰκός! Какова же будетъ эта картина? Argumentum, упомянувъ о фактѣ насилія, которому подверглась Планго̀, говоритъ далѣе, что Давъ рѣшился взять на себя вину въ совершеніи этого несовершеннаго имъ поступка (ст. 6 слл.). Надо думать, что на подобный шагъ Давъ рѣшился потому, что, влюбленный въ дѣвушку, не хотѣлъ терять её, чего бы это ни стоило. Но поводомъ къ такому выступленію Дава могло служить только то, что фактъ насилія выходилъ наружу и становился извѣстнымъ Мирринѣ [1]). Возможно даже, что на Дава, который раньше добивался Планго̀, и пали въ первую голову нѣкоторыя, неясныя подозрѣнія, которыя онъ счелъ нужнымъ не разсѣивать, но подтвердить личнымъ признаніемъ. Само собой разумѣется, что подобное признаніе должно было вывести Миррину изъ себя, на что̀ и намекаютъ слова argumentum: ἄγαν ἐδυσχέραινε (ст. 10). Что же касается до самой сцены, въ которой Давъ приносилъ повинную, то мыслимо, что именно къ ней и относился тотъ отрывокъ съ 9 стихами, о которомъ я упомянулъ выше (стр. 4). И дѣйствительно, несмотря на всю свою неполноту, онъ все-таки ясно показываетъ намъ, что въ немъ шелъ горячій діалогъ между двумя лицами, изъ которыхъ одно (Давъ?) было защищающимся, а другое (Миррина, — ср. ст. 8: εὖ γ' ὦ Μυρρίνη) не столько нападающимъ, сколько пораженнымъ тѣмъ, что̀ предъ нимъ открывалось. Ср., напр., слова одного лица:

]ἔρως γε νὴ Δι' ὦ γύναι·
[μῶν τέλεως [2]) ἐξ]έστηκας;

на которыя другое отвѣчаетъ:

οἶα γὰρ λέγεις,
[ἀπροσδόκητα?] [3]).

Равнымъ образомъ къ той же сценкѣ относился и слѣдующій, очень характерный фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 209 Kock= fr. 2 Koerte):

Не можетъ съ Эросомъ ничто сравняться въ силѣ!

[1]) Фактъ произведеннаго надъ Планго̀ насилія могъ вскрываться, приблизительно, такъ же, какъ вскрывается подобный фактъ въ Eunuchus Теренція.

[2]) Дополненіе Виламовица-Мёллендорфа (= *Koerte*, o. c., 9).

[3]) Слово ἀπροσδόκητα дополнено мной.

И даже самъ Зевесъ, владыка всѣхъ боговъ,
Давленью Эроса всецѣло уступаетъ.

Эти слова, сказанныя съ большимъ подъемомъ и одушевленіемъ, съ одной стороны показываютъ всю ту силу любви, которой одушевлено говорящее лицо, а съ другой—очень подходятъ къ нашему Даву, который, какъ видно изъ ст. 18 — 19, умѣетъ иногда брать чисто-романтическія нотки.

Вполнѣ естественно, что рѣчь Дава должна была произвести сильное впечатлѣніе на Миррину и не только раздражить её, но и повергнуть въ отчаяніе.

Она, которая испытала на себѣ весь ужасъ вынужденнаго паденія, оказывалась теперь снова передъ лицомъ подобнаго же факта, поразившаго на этотъ разъ ея дочь, существо, которое она, поскольку могла, любила, о которомъ, поскольку могла, заботилась и судьба котораго оказывалась еще болѣе трагичной, чѣмъ ея собственная. Понятно поэтому, что скорѣе всего *она* могла произносить слѣдующія слова, полныя чувства безысходной тоски, вполнѣ естественной въ ея положеніи (fr. 211 Kock=fr. 4 Koerte):

Какъ это тяжело! Одной,—и столько горя,
Невѣроятнаго, превыше всѣхъ скорбей!

Но недаромъ, какъ говоритъ Филѣмонъ [1]): χρόνῳ τὰ πάντα γίνεται καὶ κρίνεται. Прошло немного времени, и тотъ кошмаръ, въ видѣ изнасилованія Плангѝ Давомъ, подъ которымъ жила Миррина, сталъ разсѣяваться и таять. Мы не знаемъ, подробностей, при которыхъ произошло это событіе. Но мы знаемъ изъ argumentum (ср. ст. 11), что оно произошло и что настоящимъ виновникомъ позора дѣвушки оказался никто иной, какъ сосѣдъ Лахеса, юноша Фидій.

Если я не ошибаюсь, то всю исторію послѣдняго съ Плангѝ можно было бы представлять себѣ слѣдующимъ образомъ. Фидій вообще живетъ въ Аѳинахъ, на что указываетъ фрагментъ, обращенный, надо думать, къ нему однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы (не Сангаріемъ ли, его рабомъ (?), имя котораго стоитъ на 7 мѣстѣ въ τὰ τοῦ δράματος πρόσωπα?):

и въ горожанина ты снова превратишься [2]).

Но за чертой Аѳинъ у Фидія есть вилла, которая находится по

[1]) Philem. fr. 204 (=*Kock*, o. c., 532).
[2]) Fr. 868 *Kock*=fr. 11 *Koerte*.

сосѣдству съ домомъ Лахеса. Сюда время отъ времени наѣзжаетъ онъ со своими пріятелями, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и поохотиться, благо это считалось признакомъ хорошаго тона. Ср. напр., Long. Pastoral. IV, 11 (ed. Seiler): ὁ μὲν δὴ Ἄστυλος ...περὶ θήραν εἶχε λαγῶων οἷα πλούσιος νεανίσκος καὶ τρυφῶν ἀεὶ καὶ ἀφιγμένος εἰς τὸν ἀγρὸν εἰς ἀπόλαυσιν ξένης ἡδονῆς [1]). См. также слѣдующій отрывокъ изъ нашей пьесы (fr. 10 Koerte=Lex. Sabbaitic., 4, ed. Papadopulos-Kerameus):

охотникамъ, сюда изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать [2]).

Такъ вотъ я и думаю, что Фидій во время одного изъ своихъ посѣщеній, предшествовавшихъ его послѣднему наѣзду, случайно встрѣтился съ Плангѝ и, уступая impulsus adulescentiae, произвелъ надъ ней насиліе, причемъ, говоря словами Плавта (Aulul., v. 29 sq.):

is scit adulescens quae sit quam compresserit,
illa illum nescit [3]).

При этомъ, въ противоположность многимъ юношамъ комедіи, Фидій не забылъ свою жертву, какъ не забылъ и Ликонидъ изъ Aulularia ту Федрію, которую онъ обидѣлъ. Мысли о Плангѝ не оставляютъ его, любовь къ ней не охладѣваетъ, и онъ на манеръ Фидія изъ „Фазмы“ Менандра, не знаетъ, куда дѣваться, а потому ищетъ утѣшенія у какого-нибудь близкаго ему лица (не у Сангарія ли, который могъ бы приходиться ему дядькой и для котораго Фидій былъ бы τρόφιμος?). Если въ этомъ моемъ предположеніи есть хоть доля правды, то къ этой бесѣдѣ между тоскующимъ юношей и его дядькой (?) можно было бы относить слѣдующій фрагментъ (fr. 213 Kock=fr. 6 Koerte):

[1]) Вѣдь и Сирискъ въ „Третейскомъ судѣ“ Менандра считаетъ признакомъ τῆς εὐγενείας охоту. Ср. его слова (v. 105 sqq.):

εἰς δὲ τὴν αὑτοῦ φύσιν
βλέψας ἐλευθέριόν τι τολμήσει ποιεῖν,
θήρᾶν λέοντας, ὅπλα βαστάζειν, τρέχειν
ἐν ἀγῶσι.

[2]) Эти охотники, пріятели Фидія (?), и составляли, думается мнѣ, хоръ нашей пьесы, подобно тому, какъ пріятели Харисія были хоромъ въ „Третейскомъ судѣ“, а пріятели Полемона—хоромъ въ „Отрѣзанной косѣ“.

[3]) Такъ думаетъ и *Menozzi*, o c., 13.

отдѣлался отъ чаръ,—и снова зачарованъ,

равно какъ и приведенный мной выше:

и въ горожанина ты снова превратишься.

Эти слова могъ бы говорить дядька, по мнѣнію котораго Фидію надо вернуться въ городъ и зажить прежнею жизнью: тогди спадутъ съ него всѣ чары деревенской любви, тѣ чары, отъ которыхъ онъ еще недавно сумѣлъ отдѣлаться! Т. е., иными словами, вся бесѣда между Фидіемъ и его дядькой могла бы до извѣстной степени походить на тотъ разговоръ, который почти что по аналогичному поводу ведется въ „Фазмѣ“. Слова дядьки не вліяли на Фидія: онъ оставался въ деревнѣ, а между тѣмъ дѣйствіе, постепенно подвигаясь впередъ, неожиданно, благодаря стеченію разныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, вступало въ такой фазисъ развитія, когда Фидій оказывался предъ необходимостью сознаться въ совершеномъ имъ проступкѣ. Эта сцена сознанія юноши предъ лицомъ Миррины и, вѣроятно, Софроны, могла происходить на манеръ того, какъ происходитъ подобная же сцена въ Eunuchus Теренція. Т. е., и Миррина и, въ особенности, Софрона должны были осыпать Фидія упреками, выдвигая на первый планъ какъ самый фактъ насилія, такъ и то, что онъ совершенъ надъ свободной дѣвушкой, ибо Планго—рабыня только de nomine. Къ этой сценѣ, и въ частности къ рѣчи Миррины, могъ бы относиться нижеслѣдующій фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 210 Kock=fr. 3 Koerte):

Тому, кто чисть душой,—тому и быть бы знатнымъ,
А знатный долженъ бы держаться чистыхъ думъ.

Но негодуя на Фидія, но выясняя ему всю низость его поступка. Миррина все-таки должна была чувствовать себя спокойнѣе, чѣмъ при недавнемъ объясненіи съ Давомъ: вѣдь насильникомъ оказался не рабъ, а человѣкъ свободный! Поэтому она, какъ и Ѳаида изъ Eunuchus, могла бы, если не сказать, то, по крайней мѣрѣ, подумать про себя:

non ádeo inhumano ingenio sum, Pheídia,
neque ita inperita, ut quíd amor valeat nésciam.

А что такое настроеніе могло быть у Миррины,—это какъ будто подтверждается однимъ изъ нашихъ фрагментовъ, который могъ бы подходить къ концу сцены сознанія, т. е. къ тому моменту, когда утихали страсти и когда слѣдующія слова (fr. 214 Kock=fr. 7 Koerte):

такъ знай же, что и я тебѣ твой грѣхъ прощу,

явились бы вполнѣ кстати своего рода примирительнымъ аккордомъ.

Конечно, все мною пока сказанное представляетъ собой одну сплошную гипотезу, которая можетъ претендовать только на вѣроятность. Но все-таки до сихъ поръ мои построенія могли опираться на опредѣленную почву, хотя бы и довольно зыбкую. Хуже обстоитъ дѣло съ концомъ пьесы. Правда, argumentum говоритъ намъ:

когда же вскрылось все, отецъ призналъ дѣтей,
и въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

Но спрашивается, какъ произошло это событіе, т. е. путемъ какого сцѣпленія обстоятельствъ тайное сдѣлалось явнымъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, ибо мы знаемъ только одно, а именно, что разрѣшеніе узла всей интриги совершалось по обычному шаблону „новой“ комедіи,—черезъ посредство ἀναγνώρισις. Кромѣ этого намъ ничего неизвѣстно. А впрочемъ, есть въ нашемъ распоряженіи еще одинъ фрагментъ (я уже ссылался на него), гласящій слѣдующее:

охотникамъ, сюда изъ города пришедшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Какое изъ дѣйствующихъ лицъ могло произносить эти слова? Я думаю, что Горгій. Вѣдь такимъ образомъ онъ могъ бы мотивировать свое появленіе на сценѣ, тѣмъ болѣе необходимое, что этого появленія требовалъ какъ разъ ходъ дѣйствія, уже успѣвшаго захватить всѣхъ, кромѣ него и Лахеса. А что Горгій выступалъ раньше Лахеса, видно изъ списка дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ онъ стоитъ на предпослѣднемъ мѣстѣ, тогда какъ Лахесъ занимаетъ послѣднее.

Но опредѣлить, какая роль лежала на Горгіи, мы конечно, не можемъ. Мы можемъ только сказать, основываясь на argumentum, что съ возвращеніемъ Лахеса наступалъ конецъ всѣмъ треволненіямъ и неопредѣленностямъ. Вѣроятно, съ помощью τὰ γνωρίσματα, которыми были снабжены дѣти Миррины передъ отдачей ихъ Тибію и которыя сохранялись ими, происходило признаніе этихъ дѣтей Лахесомъ, причемъ не исключена, конечно, возможность, что среди γνωρίσματα оказывалась какая-нибудь вещь, нѣкогда принадлежавшая Лахесу, по которой старикъ и узналъ, что Миррина—его бывшая жертва, а Горгій и Планго—его дѣти, отъ него прижитыя. Съ установленіемъ же факта свободнаго происхожденія Планго исчезали, конечно, всѣ препятствія къ ея браку съ Фидіемъ, который и женился на ней, да

притомъ „съ охотой“, какъ говоритъ argumentum. Однимъ словомъ, наступало общее благополучіе и если кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ оставался неудовлетвореннымъ, то—только одинъ Давъ: его неудачная любовь и начинала и кончала собой пьесу!

3.

Затронувъ и разобравъ приблизительно всѣ наиболѣе важные вопросы, связанные либо съ дѣйствіемъ пьесы, либо съ характерами ея персонажей, мы не затронули еще одной проблемы, касающейся вопроса о томъ, *какая* роль лежала на самомъ Ἥρως и *что̀* именно представлялъ онъ собою. По мнѣнію Лефебра [1]), „il est sans doute plus simple et plus exact de voir en lui un des héros éponymes des tribus athéniennes“. Что же касается до его роли въ пьесѣ, то, по мнѣнію того же Лефебра [2]), „il suffirait qu'il y eût paru, qu'il eût rempli une scène de sa présence, amené le dénoûment, par exemple“,—мысль, которую французскій ученый развиваетъ нѣсколько ниже слѣд. образомъ; „à ce moment, l'action paraissant sans issue, le poète devait faire intervenir le Ἥρως, véritable θεὸς ἀπὸ μηχανῆς“ [3]).

Я не могу согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ предположеніемъ Лефебра. По моему видѣть въ Ἥρως одного изъ героевъ-эпонимовъ филъ невозможно потому, что тогда къ слову Ἥρως было бы присоединено какое-нибудь собственное имя, точнѣе его опредѣляющее, чего мы въ нашей пьесѣ не видимъ. Равнымъ образомъ, немыслимо думать, чтобы Ἥρως игралъ въ пьесѣ роль deus ex machina, ибо этому противорѣчитъ вся практика „новой“ комедіи. И дѣйствительно, несмотря на всю зависимость послѣдней отъ Еврипида, мы все-таки не можемъ установить въ ней ни одного случая, гдѣ бы ἐπιφάνεια божества выводила дѣйствіе изъ тѣхъ тисковъ безвыходности, въ которые оно попало благодаря разнымъ осложненіямъ [4]). Сверхъ того на неестественность второго предположенія Лефебра указываетъ и списокъ дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ Ἥρως занимаетъ третье мѣсто, т. е. мѣсто лица, произносящаго прологъ послѣ вводной сценки, какъ видимъ мы это въ Περικειρομένη Менандра, въ Cistellaria и Miles

[1]) *Lefebvre*, о. с., 4.
[2]) *Lefebvre*, о. с., 4.
[3]) *Lefebvre*, о. с., 5.
[4]) Amphitryo Плавта не можетъ служить примѣромъ, опровергающимъ наши слова, ибо эта комедія обрабатываетъ особый миѳологическій сюжетъ, гдѣ deus былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ,

gloriosus Плавта [1]). Итакъ, гипотеза Лефебра о томъ, что такое Ἥρως, и о его роли въ комедіи не можетъ быть принята. Но въ одинаковой мѣрѣ непріемлемо и то, что по поводу вмѣшательства Ἥρως въ дѣйствіе говоритъ Б. В. Варнеке въ своей книгѣ „Новыя комедіи Менандра“ (стр. 13—14),—тѣмъ болѣе непріемлемо, что въ словахъ Б. В. Варнеке замѣчается какое-то странное противорѣчіе. И въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ мѣстѣ своей книги (о. с., 14) Б. В. Варнеке, опираясь на argumentum, высказываетъ ту мысль, что божество появлялось на сценѣ вслѣдъ за вводной сценкой, какъ Auxilium въ Cistellaria Плавта (значитъ, какъ прологъ?), въ другомъ же мѣстѣ (о. с., 13) онъ предполагаетъ, что „въ минуту наивысшаго обостренія страстей дѣйствующихъ лицъ *вмѣшивалось* божество (Ἥρως), давшее имя пьесѣ и своимъ разсказомъ развязывало весь узелъ недоразумѣній“. Отсюда слѣдуетъ, что Ἥρως не только игралъ роль *пролога*, но былъ еще чѣмъ-то вродѣ *deus ex machina*, т. е. былъ тѣмъ, о чемъ молчитъ практика „новой“ комедіи и что напомнило бы Юпитера въ Amphitryo Плавта. Но это немыслимо! Впрочемъ, надо думать, что все противорѣчіе заключается просто въ недостаточно точной формулировкѣ, тѣмъ болѣе, что въ своей статьѣ „Герой Менандра [2]). Б. В. Варнеке говоритъ вполнѣ ясно, что Ἥρως выступалъ въ пьесѣ вмѣсто пролога.

Значитъ, нами пока установлено, что Ἥρως не представлялъ собой „un véritable θεὸς ἀπὸ μηχανῆς“, но былъ просто на просто прологомъ или, иначе, персонажемъ, который выступалъ послѣ вводной сценки. Что же касается до характера той рѣчи, которую произносилъ Ἥρως, то нѣкоторое представленіе о ней могла бы дать рѣчь Ἄγνοια изъ Περικειρομένη, т. е., иными словами, Ἥρως, на манеръ Ἄγνοια, долженъ былъ выяснять въ своей рѣчи тѣ событія, которыя могли имѣть мѣсто до наступленія дѣйствія пьесы и знать которыя зрителямъ было необходимо для пониманія дальнѣйшаго. Такая, чисто-освѣдомительная рѣчь, базировавшаяся на знаніи того, что̀ было, вполнѣ соотвѣтствовала фигурѣ Ἥρως. И дѣйствительно, кто, кромѣ существа высшаго порядка, могъ знать всѣ закоулки минувшаго, могъ провидѣть будущее, могъ выяснить цѣль, ради которой все происхо-

[1]) Cp. Donat. praef. ad Phorm. 11: officium prologi ante actionem quidem rei semper est, verumtamen et *post principium fabulae inducitur*, ut apud Plautum in Milite glorioso et apud ceteros magnae auctoritatis veteres poetas.
[2]) *Гермесъ* 2 (1909), 126.

дить и которой люди по близорукости своей не видятъ? Недаромъ богиня Невѣдѣнія (Ἄγνοια) говоритъ въ своемъ прологѣ:

для счастья въ будущемъ я заварила кашу.

Недаромъ старается она показать зрителямъ, что все происходящее направлено лишь къ тому,

чтобъ вскрылась истина;

недаромъ, наконецъ, знаетъ она во всѣхъ деталяхъ то, что нѣкогда было: вѣдь все, и минувшее и настоящее и будущее, открыто передъ ней, а потому зрители, слушая ея прологъ, могутъ быть спокойны за то, что они будутъ освѣдомлены надлежащимъ образомъ и что никакого обмана не будетъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, приблизительно такой же характеръ носила и недошедшая до насъ рѣчь Ἥρως. Но само собой разумѣется, что, выступая на сцену, Ἥρως прежде всего долженъ былъ познакомить публику съ собой, долженъ былъ открыть ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Такъ именно поступаетъ Lar familiaris, выступающій въ Aulularia (v. 1 sq.) [1]):

ne quis miretur qui sim, paucis eloquar.
ego Lar sum familiaris ex hac familia
unde exeuntem me aspexistis.

Такъ дѣйствуетъ и Auxilium въ Cistellaria, смѣняющее на сценѣ сводницу (v. 152 sqq.):

quod si tacuisset, tamen
ego eram dicturus, deu', qui poteram planius.
nam mihi Auxilio est nomen.

Наконецъ, подобнымъ же образомъ, хотя и въ болѣе пышной формѣ, мотивируетъ свой выходъ Ἀήρ, выступавшій въ одной комедіи Филемона (fr. 91 Kock):

ὃν οὐδὲ εἷς λέλῃθεν οὐδὲ ἓν ποιῶν
οὐδ' αὖ ποιήσων, οὐδὲ πεποιηκώς, πάλαι,
οὔτε θεὸς οὔτ' ἄνθρωπος, οὗτός εἰμ' ἐγώ,
Ἀήρ, ὃν ἄν τις ὀνομάσειε καὶ Δία.

[1]) Плавта я цитую по изданію *Linsday*, T. Macci Plauti comoediae, Oxonii.

[2]) Не менѣе пышно характеризовалъ себя и Ἔλεγχος, бывшій прологомъ въ одной изъ пьесъ Менандра, если судить объ этомъ по слѣдующимъ словамъ Лукіана, представляющимъ собой, повидимому, перифразъ начальныхъ словъ Ἔλεγχος (Luc. Pseudolog. 4): μᾶλλον δὲ παρακλητέος ὑμῖν τῶν Μενάνδρου προλόγων εἷς ὁ Ἔλεγχος, φίλος ἀληθεία καὶ παρρησία, θεὸς οὐχ ὁ ἀσημότατος τῶν ἐπὶ τὴν σκηνὴν ἀναβαινόντων, μόνοις ὑμῖν ἐχθρὸς τοῖς δεδιόσι τὴν γλῶτταν αὐτοῦ, πάντα καὶ εἰδότος καὶ σαφῶς διεξιόντος. ὁπόσα ὑμῖν σύνοιδε.

На основаніи этихъ примѣровъ, число которыхъ при желаніи можно увеличить, слѣдуетъ думать, что и Ἥρως, появляясь передъ зрителями, называлъ себя по имени, да сверхъ того въ точности опредѣлялъ свое значеніе, а можетъ быть, и ту связь, которая существовала между нимъ и нѣкоторыми персонажами комедіи,—на манеръ того, какъ дѣлаетъ это Luxuria въ Trinummus или Lar familiaris въ Aulularia. Но каково же было значеніе Ἥρως? На этотъ вопросъ van Leeuwen въ первомъ изданіи комедій Менандра отвѣтилъ словами „neque Heros ille quid egerit satis apparet“ [1]). Но во второмъ изданіи тотъ же van Leeuwen уже даетъ очень опредѣленный отвѣтъ, говоря, что „fuit Ἥρως θεὸς ἐκεῖνος genius tutelaris domus, quem Larem familiarem vocavit Plautus initio fabulae Aululariae“ [2]). Одновременно съ van Leeuwen'омъ къ подобной же мысли пришелъ и Fr. Leo [3]), который тоже сопоставилъ Ἥρως съ Lar familiaris и тоже усмотрѣлъ въ немъ „божество — покровителя семьи“. А затѣмъ вышеуказанный взглядъ установился въ литературѣ предмета и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія въ своей правильности, пока противъ него не выступилъ Б. В. Варнеке въ особой статьѣ, „Герой Менандра“, и не постарался доказать, что Ἥρως является вовсе не покровителемъ семьи, но наоборотъ злымъ геніемъ послѣдней [4]).

Спрашивается, какое изъ этихъ двухъ мнѣній правильно? Обычный взглядъ на Ἥρως, какъ на добрую, благожелательную силу, которая содѣйствуетъ устраненію семейныхъ неурядицъ, покоится, какъ я уже говорилъ выше, на отожествленіи Ἥρως съ Lar familiaris, выступающимъ у Плавта въ Aulularia. Въ пьесѣ Плавта Lar, какъ ему и подобаетъ, оказывается лицомъ, которому не безразлична жизнь семьи, которое посвящено во всѣ ея тайны и которое регулируетъ свои дѣйствія, сообразуясь съ тѣмъ, какъ къ нему относятся. Поэтому тайна сокровища, ввѣренная ему однимъ изъ членовъ семьи, не вскры-

[1]) *van Leeuwen*, Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta (Lugd Batav. 1908), 6.

[2]) *van Leeuwen*², o. c., 2.

[3]) *Leo*. Der neue Menander (=*Hermes*, 43 (1908), 127).

[4]) *Гермесъ*, 2 (1909), 124 слл.

вается имъ сыну послѣдняго въ виду того, что этотъ сынъ, какъ говоритъ Lar (v. 18 sq.),

minu' minusque impendio
curare minu' que me impertire honoribus.

Зато, когда внучка этого лица стала окружать Lar'а заботами, божество смягчилось и обогатило отца дѣвушки съ тайной цѣлью,

quo illam facilius nuptum, si vellet, daret.

Мало того, Lar, дабы устроить свою любимицу, принялъ участіе и во многомъ другомъ, подготовивъ исподволь рядъ событій, которыя должны были повести къ свадьбѣ дѣвушки. Такимъ образомъ, Lar оказался настоящимъ благодѣтелемъ семьи, готовымъ заботиться о выгодахъ послѣдней, но подъ условіемъ, что и къ нему будутъ относиться съ любовью и уваженіемъ.

Этотъ образъ Лара-благодѣтеля невольно просится на сопоставленіе его съ образомъ Ἥρως. Но возможно ли это? Правда, относительно ἥρωες мы знаемъ, что они стояли не только во главѣ отдѣльныхъ родовъ, какъ предки-покровители, но что сверхъ того у любой семьи могъ быть (и дѣйствительно бывалъ) свой собственный ἥρως, котораго почитали, какъ своего генія-хранителя, и который имѣлъ свой частный культъ [1]). Далѣе, мы знаемъ, что ἥρωες, какъ всякое хтоническое божество, могли быть и добрыми и злыми и что, наконецъ, очень легко было навлечь на себя ихъ гнѣвъ: стоило только отнестись къ нимъ съ недостаточнымъ почтеніемъ или не выказать надлежащаго вниманія ихъ культу [2]). Но наряду съ этимъ представленіемъ о ἥρωες было и другое, суть котораго заключалась въ слѣдующемъ: отъ ἥρωες нельзя ожидать ничего хорошаго; они исключительно злая сила, готовая вредить всѣмъ и каждому, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Поэтому къ нимъ надо относиться съ большой осторожностью, надо умилостивлять ихъ всякими μειλίγματα и вообще стараться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь ихъ не обидѣть. Это второе, неблагопріятное для ἥρωες представленіе

[1]) Ср. Callim. epigr. 24 (ed. *Wilamowitz-Moellendorff*):

Ἥρως Αἰσχίνης ἐπίσταθμος Ἀμφιπολίτεω
ἵδρυμαι μικρὸς μικρὸς ἐπὶ προθύρῳ.

[2]) См. *Roscher*, Ausführliches Lexikon der griech. und römisch. Mythologie, I, 2474—2478, s. v. Heros.

отразилось и въ литературѣ, причемъ всего характернѣе выражено оно въ 63 баснѣ Бабрія, передающей о томъ, какъ одинъ ἥρως, котораго почиталъ и ублаготворялъ какой-то благочестивый человѣкъ, предсталъ передъ нимъ ночью и обратился къ нему съ такими словами (vv. 7 sqq.):

ἀγαθὸν μέν' εἶπεν, οὐδ' ἂν εἷς τις ἡρώων
ὦ τᾶν παράσχοι· ταῦτα τοὺς θεοὺς αἴτει·
κακῶν δὲ πάντων, ἅτε σύνεστιν ἀνθρώποις
δοτῆρες ἡμεῖς. τοιγὰρ εἰ κακῶν χρῄζεις,
εὔχου· παρέξω πολλά, κἂν ἓν αἰτήσῃς.' [1]).

Какому же изъ этихъ двухъ представленій слѣдовалъ, или вѣрнѣе, могъ слѣдовать Менандръ при выведеніи на сцену Ἥρως θεός? Большинство ученыхъ (ср. выше) полагаетъ, что — первому, которое могло бы сближать Ἥρως съ Lar familiaris. И только одинъ Б. В. Варнеке держится противоположнаго мнѣнія, считая его единственно пріемлемымъ. Но само собой разумѣется, что при высказываніи этой мысли онъ основывается не только на томъ, что на ἥρωες смотрѣли иногда, какъ на „злыхъ духовъ", приносящихъ горе. Почва, на которой стоитъ Б. В. Варнеке, другая: она восходитъ къ Менандру! Среди недошедшихъ до насъ комедій послѣдняго значится одна, носившая заглавіе Συνέφηβοι. Каково было ея содержаніе, мы не знаемъ, такъ какъ отъ нея не сохранилось ни одного фрагмента. Только пареміографъ Зенобій (=Kock III, p. 131), приводя пословицу οὐκ εἰμὶ τούτων τῶν ἡρώων, говоритъ по ея поводу: αὕτη τέτακται ἐπὶ τῶν βουλομένων εὖ ποιεῖν. οἱ γὰρ ἥρωες κακοῦν ἑτοῖμοι μᾶλλον ἢ εὐεργετεῖν, ὥς φησι Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις. Сверхъ того мы имѣемъ еще слѣдующее свидѣтельство схоліаста къ „Птицамъ" Аристофана (ст. 1490): οἱ ἥρωες δὲ δυσόργητοι καὶ χαλεποὶ τοῖς ἐμπελάζουσι γίνονται, καθάπερ Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις [2]). Изъ обоихъ текстовъ вполнѣ очевидно, что и Зенобій и схоліастъ имѣютъ въ виду одну и ту же пьесу Менандра, Συνέφηβοι, а не двѣ разныхъ, какъ думаетъ почему-то Б. В. Варнеке, говорящій, будто „у насъ нѣтъ основаній утверждать", что свидѣтельство схоліаста „относится къ той же самой

[1]) Цитую по изданію *Rutherford*, Babrius (London 1883), 63.

[2]) Послѣ Συνεφήβοις въ схоліи лакуна, а затѣмъ идетъ другая схолія, которая начинается словами: ὅτι ἀγαθὸν γάμον χειμῶνος и которая съ первой схоліей не имѣетъ никакой связи. См. *Dübner*, Scholia graeca in Aristophanem, 242.

пьесѣ, о которой говоритъ и Зенобій" [1]). Основанія у насъ есть, а заключаются они въ томъ, что оба автора, говоря о Менандрѣ, прибавляютъ одинаковое „ἐν Συνεφήβοις". Но это не важно. Гораздо важнѣе другое, а именно: можно ли на основаніи двухъ приведенныхъ нами мѣстъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Б. В. Варнеке, что Менандръ смотрѣлъ на ἥρως, какъ на злую силу? Прежде всего врядъ ли возможно, чтобы у Менандра было двѣ пьесы, въ которыхъ безымянный Ἥρως выступалъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, и притомъ такъ, что въ одной—онъ только дѣйствовалъ, а другой—давалъ сверхъ того и заглавіе (ср. выше). Я лично считаю это недопустимымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ. Но если у у Менандра была лишь одна пьеса съ Ἥρως въ качествѣ дѣйствующаго персонажа, то, значитъ, въ Συνεφήβοι о божествѣ могли *только* разговаривать по тому и другому неизвѣстному намъ поводу. При этомъ мы не знаемъ, въ *чьи* уста могъ вкладывать поэтъ разсужденія о Ἥρως. Возможно, что въ уста какого-нибудь δεισιδαίμων,—суевѣрнаго человѣка, трепещущаго передъ всѣми явленіями и существами не здѣшняго, но потусторонняго міра. Наконецъ, изъ того, что какой-нибудь персонажъ говорилъ о ἥρως, какъ о лицѣ, котораго надо опасаться въ виду его злобности, еще нельзя выводить, что Менандръ *вообще* приписывалъ ἥρως такое отрицательное значеніе. Однимъ словомъ, предположеніе Б. В. Варнеке, несмотря на всю свою кажущуюся завлекательность, не удовлетворяетъ меня и я, несогласный съ нимъ, не могу принять и слѣдующаго, сдѣланнаго изъ него вывода: „ἥρως, выступившій вмѣсто пролога, какъ Auxilium въ Cistellaria Плавта, могъ разсказывать о себѣ не какъ о благодѣтелѣ семьи, а какъ объ источникѣ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ персонажей пьесы спасалъ ἀναγνωρισμός. Если такъ, то надо этого ἥρως сравнивать не съ Lar familiaris изъ Aulularia Плавта, ... , а съ Luxuria изъ его Trinummus (v. 12)".

Итакъ, я остаюсь при прежнемъ, обычномъ взглядѣ на Ἥρως, какъ на своего рода Lar familiaris, и продолжаю думать, что въ своемъ прологѣ Ἥρως послѣ изложенія событій, имѣвшихъ мѣсто до начала пьесы, указывалъ еще, какъ благодѣтельный геній семьи, и на тѣ мѣры, которыя приняты имъ для обезпеченія счастья Миррины и ея дѣтей, Планго и Горгія. Но въ чемъ заключались эти мѣры, мы сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что онѣ сбывались по

[1]) O. c., 125.

мѣрѣ развитія дѣйствія пьесы и что въ концѣ концовъ на мѣсто прежнихъ треволненій и безпокойствъ выдвигалось счастье, по поводу неожиданнаго появленія котораго и Миррина и ея дѣти могли бы съ полнымъ правомъ сказать словами Филѣмона:

ὡς ἡδέως μοι γέγονε τὰ πρότερον κακά·
εἰ μὴ τότ' ἐπόνουν, νῦν ἂν οὐκ εὐφραινόμην.

Г. Перетели.